
ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА

Владислав Юрьевич Панченко

*Заведующий кафедрой теории, истории государства и права ВГУЮ (РПА Минюста России); профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин Московского государственного лингвистического университета; главный научный сотрудник Московского университета им. А. С. Грибоедова; главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России; главный научный сотрудник Сибирского федерального университета, доктор юридических наук, профессор
E-mail: ranchenkovlad@mail.ru*

Полиморфия права и структура правовой жизни

Аннотация. *Актуальность проблемы полиморфии права во взаимосвязи со структурированием правовой жизни обусловлена неудовлетворенными в полной мере до настоящего времени юридической наукой потребностями юридической практики и правового образования в нахождении теоретических моделей, адекватно описывающих все проявления права в государственно-организованных обществах и закономерности их взаимопереходов. Предметом исследования явилась структурное строение правовой жизни с учетом полиморфии (многообразности внешних форм) права как явления социальной эволюции, а целью — установление структуры правовой жизни как социального феномена.*

Методологию исследования составили различные по степени общности и познавательным задачам всеобщий философский метод диалектического материализма и метод формальной логики, общие и частные методы правовой науки, прежде всего положения современной материалистической теории права о позитивной, индивидуальной, конкретной и фактической формах права, при помощи которых подвергнута проверке научная гипотеза о полиморфии права, т. е. его способности функционировать в разных внешних формах проявления в течение жизненного цикла. Научная новизна заключается в теоретических положениях, концентрированно отражающих основное содержание и основные результаты исследования о существовании форм правовой жизни, образующих в совокупности ее структуру. Принципиальным является вывод о том, что индивидуальное право как форма правовой жизни, особенно индивидуальное право должностных лиц органов публичной власти, выступает действительной формой юридических правил, существующих в виде представлений о возможном и должном, способных выступать руководствами к действиям (решениям) и предметом профессиональной деятельности юристов при переходе в конкретную форму правовой жизни, поскольку юристы воздействуют через сознание на действия (решения) должностных лиц, участвуя в доказывании фактических обстоятельств, аргументации своих версий их юридической оценки и толкования позитивного права применительно к установленным фактическим обстоятельствам.

Областями применения выводов о структуре правовой жизни могут быть выявление общих и частных закономерностей диалектического взаимодействия форм правовой жизни в ее различных сферах (сегментах, областях, уровнях), а также решение проблемы понимания права, способного результативно решать познавательные и практические задачи.

Ключевые слова: право, правовая жизнь, правовая политика, материалистическая теория права, правопонимание.

Vladislav Yur'evich Panchenko

Head of the department of Theory and History of State and Law, The All-Russian State University of Justice (RLA (Russian Law Academy) of the Ministry of Justice of Russia); Professor of the department of General Theoretical Juridical disciplines, Moscow State Linguistic University; Chief Researcher, Moscow University named after A. S. Griboedov; Chief Researcher, Research University of Federal Penitentiary Service of Russia; Chief Researcher, Siberian Federal University, Doctor of Legal sciences, Professor

Polymorphy of Law and Structure of Legal Life

Annotation. *The relevance of the issue of legal polymorphy in connection with the structuring of legal life is due to the needs of legal practice and legal education that have not yet been fully satisfied by legal science in finding theoretical models that adequately describe all manifestations of law in state-organized societies and the patterns of their mutual transitions. The subject of the present paper is represented by structure of legal life in the context of legal polymorphy (diversity of its external forms) as the phenomenon of social evolution. The purpose of the work is to describe structure of legal life as a social phenomenon.*

The research methodology includes the universal philosophical method of dialectical materialism and the method of formal logic, which are different in the degree of generality and cognitive tasks, general and particular methods of legal science, primarily the provisions of the modern materialist theory of law on the positive, individual, concrete and factual forms of law, with the help of which the research was subjected to verification. a scientific hypothesis about the polymorphy of law, i.e. its ability to function in different external forms of manifestation during the life cycle. Scientific novelty is realized through the author's theoretical provisions that concentratedly reflect the main content and main results of the study on the existence of forms of legal life that together form its structure. The fundamental author's conclusion is that individual law as a form of legal life, especially the individual law of officials of public authorities, is a valid form of legal rules that exist in the form of ideas about what is possible and what should be, capable of acting as guidelines for actions (decisions) and the subject of professional activities of lawyers during the transition to a specific form of legal life, since lawyers influence through consciousness the actions (decisions) of officials, participating in proving factual circumstances, arguing their versions of their legal assessment and interpretation of positive law in relation to established factual circumstances.

The conclusions about the structure of legal life can be applied in the processes of indicating general and private orders in dialectical interpenetration of forms of legal life in different areas (segments, fields, levels) and solving the issue of recognizing the law leading to effective solvation of cognitive and practical tasks.

Keywords: *law, legal life, legal policy, materialistic theory of law, awareness of law.*

Многообразие подходов к пониманию права традиционно в юридической науке объясняется сложностью этого социального феномена, с чем вряд ли уместно спорить.

Типичными для правоведов прошлого и современности при формулировании понятия права являются утверждения о том, что под правом понимается система правил поведения, обеспеченных государством, а далее следует указание на то, что право все же не сводится к таковым, включает некоторые иные явления: «живое право», т. е. правила не должного, а реального поведения людей (О. Эрлих); «интуитивное» право – приписываемые себе и другим права и обязанности (обязательно-притязательные

нормы), исходящие из самостоятельных убеждений людей, (Л. Петражицкий); результаты судебных и административных процессов (Р. Паунд) и т. д.

На наш взгляд, попытки синтезировать концепции понимания права, которые отражали бы все существенные свойства этого социального феномена, вряд ли будут успешными, если они игнорируют такое явление, как полиморфия права («полиморфия» — от греч. π — много, и μ — форма, вид) — многообразность форм существования и функционирования права как явления социальной эволюции (в лингвистике для обозначения варьирования формы слов используется понятие «полиформия»). По аналогии с живыми организмами полиморфия права — это вид адаптации, выраженный в способности существовать в разных внешних формах во время своего жизненного цикла.

В жизненном цикле права на стадии генезиса диалектически взаимодействуют два начала — индивидуальное и государственное. Индивидуальное начало состоит в зарождении права от реальных действий, фактических общественных отношений, в которых люди удовлетворяют свои потребности даже при отсутствии государственно-властных велений (правовых норм), к появлению юридических предписаний, которые отражают позицию государства в их оценке в качестве правомерных (и требующих государственного санкционирования) либо противоправных (пресекаемых государством). «Сначала возникали действия, затем правила» — путем многократного повторения «поведенческих актов, признаваемых общественным сознанием» и «утверждаемых публичной властью как правила, нормы поведения» [1, с. 11–12]. «Реально сложившиеся правоотношения выступают в качестве основы моделей поведения: будучи официально оформленными государственными структурами, они приобретают характер юридически значимых» [1, с. 11–12]. Индивидуальное начало доминирует в частном праве.

Государственное же начало превалирует в праве публичном, которое «преимущественно строится по обратной схеме: установленная государственной структурой норма, не имеющая зачастую социальных предпосылок, должна породить поведенческие акты» [1, с. 11–12].

Государство использует право, реализуя потребность в нормативной регламентации общественных отношений сообразно объективным потребностям и конкретно-историческим вызовам, стоящим перед властвующей элитой и политически организованным обществом. Люди же, сталкиваясь в условиях ограниченности ресурсов с необходимостью удовлетворения нередко противоположных интересов других людей, взаимосвязанных и взаимодействующих в различных социальных иерархиях, вынуждены обращаться для решения того или иного вопроса к юрисдикционной деятельности государства, прежде всего правоприменительной, причем с достаточной степенью предсказуемости индивидуальных властных предписаний и с достаточной степенью вероятности их воплощения в практике.

Позитивное право как приказ суверена подданным конкретного государственно организованного общества испытывает множество воздействий различных факторов и принимает различные формы на различных этапах своего жизненного цикла, отражаясь в плюрализме понимания права, — ученые стараются охватить и учесть все возможные обстоятельства и формы, определяющие, с одной стороны, результативность государственного правотворчества, а с другой — прогнозируемую вероятность удовлетворения человеческих потребностей при помощи правовых средств. Последняя задача, несомненно, отражает реальную инструментальную ценность права и ценность профессии практикующего юриста.

На ее решение направлены, в частности, концепции права, именуемые социологическими, реалистическими, скептическими. Так, «скептики в отношении норм» (“rule skeptics”), стремясь «к большей правовой определенности», «считали желательным, чтобы юристы были способны предсказать своим клиентам решения судов по большинству еще не начавшихся дел» [2, с. 39]. Они отмечали, что формальные правовые нормы («нормы на бумаге») часто бывают ненадежны как руководство для предсказания решений, и пытались «обнаружить некие «реальные нормы», отражающие единообразие и порядок в фактическом поведении судей, полагая, «что эти “реальные нормы” послужат более надежным инструментом предсказаний в судебных процессах» [2, с. 39]. Другими словами, «скептики в отношении норм» заняты поиском того, как сделать точными предположения насчет судебных решений, но не решений

судов первой инстанции, а вышестоящих судов, при рассмотрении ими апелляций» [2, с. 39]. Исследователи, которых Дж. Фрэнк назвал «скептиками в отношении фактов» (“fact skeptics”), пошли гораздо дальше — «они интересовались, прежде всего, деятельностью судов первой инстанции» [2, с. 39]. «Вне зависимости от того, насколько точными и определенными будут формальные правовые нормы, считали они, и независимо от того, какое единообразие обнаружат за этими формальными нормами, все же невозможно, и никогда не станет возможным — в силу неопределенности фактов, на которые опирается суд, — предсказать будущие решения по большинству еще не начавшихся либо незавершенных судебных процессов» [2, с. 39–40].

В направлении постановки и решения проблемы полиморфии права, т. е. выделения форм его проявления в государственно организованном обществе, существенные результаты достигнуты в современной материалистической теории права, разработанной профессором В. М. Сырых. Хотя материалистическая теория права и не оперирует понятием «полиморфия» (полиформия) применительно к праву, она рассматривает существование и функционирование права «как единый процесс отрицания отрицания, призванный осуществить перевод» права «из возможности в действительность», выделяя четыре формы права: позитивное, индивидуальное, конкретное и фактические отношения [3]. Остановимся на краткой характеристике каждой из этих форм.

Позитивное право — это правила, стандарты поведения, исходящие от государства.

Индивидуальным правом материалистическая теория права признает «совокупность нормативных предписаний, известных индивиду и позитивно оцениваемых им в качестве права, которым он готов руководствоваться в своей непосредственной деятельности» [3, с. 247]. Иными словами, «индивид принимает эстафету от государства в виде созданных норм позитивного права» и несет их до «воплощения в конкретных отношениях» [3, с. 247]. Именно «действиями индивида абстрактные нормы позитивного права дополняются и конкретизируются применительно к особенностям его непосредственного бытия, потребностями и спецификой планируемых правоотношений» [3, с. 247–248]. «Позитивисты правы, — пишет В. М. Сырых, — в том, что индивидуальное право — это не позитивное право, не обладает его содержанием, формами выражения и механизмами функционирования. Вместе с тем они глубоко заблуждаются, отказываясь признавать индивидуальное право новой, более высокой формой развития позитивного права» [3, с. 247–248].

В материалистической теории права «индивидуальное право рассматривается как следующая, более высокая, стадия перехода» «позитивного права в действительность, поскольку переводит абстрактно-всеобщее право на уровень единичного и в конечном итоге создает необходимые условия для его дальнейшего движения. Позитивное частное право нуждается в индивидуальном праве и предполагает его, поскольку не знает иных путей воплощения в действительность, в конкретные правоотношения. В этом заключается основная особенность индивидуального права как единичного массовидного явления, на которое обратил внимание Г. Гегель, но которое по настоящее время не замечают позитивисты» [3, с. 248].

На наш взгляд, индивидуальное право, понимаемое в материалистической теории права как результат правосознания и необходимо включающее индивидуальное право должностных лиц органов публичной власти (правоприменителей), выступает:

— действительным «резервуаром», где хранятся юридические правила как представления о пределах допустимого поведения в государственно-организованном обществе с его иерархической структурой. «Представим себе, что некая глобальная катастрофа уничтожила все материальные носители права — своды законов, кодексы, интернет-сайты, электронные базы данных, сборники судебной практики... Будет ли это означать, что исчезло само право? Значит ли, что в таком случае можно безнаказанно убивать, грабить, нарушать договоры?» [4]. Отсюда становится предельно ясным тот факт, что правовые правила как руководство к действию по своей природе — явления общественного сознания [5], а их текстуальное закрепление проводится для удобства пользования и доведения до сведения адресатов;

— предметом профессиональной деятельности юриста при переходе права из формы позитивного в форму конкретного права, поскольку юристы в судебных или иных юридических процессах воздействуют на сознание и действия (решения) правоприменителей и других должностных лиц путем участия в процессе доказывания

фактических обстоятельств, аргументации своих версий их юридической оценки, толкования текстов, составляющих позитивное право, и т. п.

Роль индивидуального права лиц, не наделенных публично властными полномочиями, бесспорно, является определяющей в частноправовой сфере. Здесь индивидуальное право «призвано согласовать общий и особенный интересы», а позитивное право «проходит основательную экспертизу на способность быть действительным правом, верно отражать индивидуальный интерес во всеобщей форме. Нормы, не получающие позитивной санкции индивидов, имеют весьма низкие шансы на воплощение в действительность, чаще всего вынуждены существовать лишь формально» [3, с. 254].

В области публичного права на первый план выходит индивидуальное право должностного лица — правоприменителя. Роль индивидуального права лиц, не наделенных публично властными полномочиями, намного скромнее, существенно ограничена в публично-правовых отношениях, что дает определенные основания для выводов о том, что «индивидуальное право обязанного участника правоотношения на содержание правоприменительного решения, как правило, не влияет», а «воля индивида, если и оказывает влияние на процессы правотворчества и применения, то самое минимальное» [3, с. 254].

Конкретное право — это форма, в которой право существует в виде предписаний индивидуального характера, содержащихся в правоприменительных актах и соглашениях (договорах). В частноправовых отношениях «законодательные и иные правотворческие ошибки в виде принятия малоэффективных норм права, не соответствующих целям и содержанию общественных отношений, или, наоборот, сохранения устаревших норм упорно игнорируются индивидами и юридическими лицами, подменяются создаваемыми ими более совершенными социальными нормами», тогда как публичное право «реально действует благодаря органу государства, обладающему властными полномочиями и обеспечивающему ее реализацию независимо от воли и желаний других участников конкретных правоотношений», «правоприменитель либо признает правомерность претензий индивида на общие блага и обязывает компетентные органы государства обеспечивать доступность этих благ для индивида, либо находит претензии последнего на общие блага несостоятельными» [3, с. 251, 257].

Наконец, последней формой права в материалистической теории В. М. Сырых выступают фактические отношения, т. е. реальная деятельность людей по исполнению конкретного права (правоприменительных актов и договоров) как «факт действительности, непосредственной практики». Эта форма как компонент социальной практики делает право «частью предметно-практической деятельности» людей. (Мы сознательно здесь анализируем только формы права, безотносительно их содержания, которое в материалистической теории права именуется объективным правом и включает в самом обобщенном виде принципы равенства, свободы воли, эквивалентности, взаимозависимости и общеобязательности (юридической ответственности), получающие конкретизацию в других формах права в разных государствах в разные исторические периоды. «Фактические отношения, — пишет В. М. Сырых, — основанные только на позитивном праве, не всегда могут гарантировать действительность объективного права, поскольку значительная часть норм позитивного права, в свою очередь, имеет превращенную форму, является правом лишь по своему источнику и способу принятия, а не по содержанию». «Общество может самым добросовестным образом исполнять превращенную форму права, возведенную в закон, как это имело место в условиях дореволюционной России, но от этого ни индивиды, ни общество, ни само государство не развиваются, в лучшем случае маршируют на одном месте» [3, с. 251–252]. Содержание объективного права в материалистическом понимании и его соотношение с другими формами права — предмет самостоятельного серьезного научного исследования).

В современной отечественной юриспруденции в стадии активной разработки находится понятие, охватывающее весь жизненный цикл права, — категория «правовая жизнь», под которой понимается «форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях, характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов» [6].

Правовая жизнь связана с юридическими правилами поведения (предписаниями), базируется на объективном значении права для социальной жизнедеятельности государственно организованного общества, является частью духовной практики народа,

показывающей его особенности, менталитет, связана с экономической и политической жизнью как их форма с обратным воздействием на экономику и политику (стимулирующего либо сдерживающего), характеризует отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов, юридический опыт [6].

Правовая жизнь как жизненный цикл права проявляется (воспринимается людьми в ощущениях) в различных формах, очевидно не сводясь ни к формальным источникам права и содержащимся в них письменным и устным текстам, закрепляющим предписания общего характера; ни к предшествующему правовому опыту (судебной и иной правоприменительной практике), поскольку будущее правоприменение может отличаться от предыдущего; ни к правосознанию, которое, не будучи выраженным в актах внешнего поведения, само по себе изменений в реальности не вызывает, но является предпосылкой всех видов человеческой деятельности в сфере права; ни к фактическому поведению людей — его следует рассматривать в правовой жизни не само по себе, а только в связи с государственной оценкой в качестве юридически значимого — правомерного или противоправного. Не ограничиваясь ни одной из названных и других сторон, аспектов, проявлений права, категория «правовая жизнь» в то же время охватывает всю их совокупность, т. е. по сути отражает полиморфию права, о которой шла речь выше.

Очевидно, что воспринять, осмыслить, изучить всю правовую жизнь во всех многообразных ее проявлениях не способны ни один человеческий интеллект и ни одна человеческая память. В то же время государство для решения правовыми средствами конкретных социальных, экономических, политических проблем (т. е. осуществления правовой политики) стремится определенным образом структурировать правовую жизнь, научно обоснованно определить точки приложения усилий и затрат государственных ресурсов, спрогнозировать возможные риски, препятствия, принять меры по их недопущению, нейтрализации или преодолению. Аналогичным образом люди (и представляющие их интересы профессиональные юристы) выстраивают стратегию и тактику реализации и защиты прав и законных интересов в конкретном юридическом деле, выделяя в рамках интересующего вопроса в правовой жизни те основные факторы, которые определяют результативность использования тех или иных правовых технологий. Решению этих задач государства и индивидов может способствовать структурирование правовой жизни на основе полиморфии права.

Для выявления структуры правовой жизни, позволяющей решать как политико-правовые задачи государства, так и эффективное выполнение гарантирующей роли права по отношению к интересам людей, продуктивным, на наш взгляд, является применение с необходимыми уточнениями методологического подхода к полиморфии права, выработанного в рамках материалистической теории права.

Структура правовой жизни может быть представлена в виде взаимосвязанных и взаимодействующих между собой следующих форм.

Во-первых, формой правовой жизни выступает индивидуальное право (результат правосознания) как совокупность представлений властвующих индивидов и других членов государственно-организованного общества о пределах допустимого поведения в нем, которые они готовы реализовывать в своей публично-правовой и частноправовой деятельности, ибо право «существует и действует постольку, поскольку... общество... руководствуется им в своих действиях» [7, с. 6].

Во-вторых, форму правовой жизни представляет позитивное право — устные или письменные тексты, содержащиеся в формальных источниках права, актах их официального толкования, т. е. все то, что декларируется, провозглашается в качестве обязательного и обеспечиваемого государством, совокупность приказов (команд), установленных «политическими высшими для политически низших» [8, р. 102]. Позитивное право представляет собой опредмеченную правотворческую деятельность, результаты которой распределены в ходе осуществления других видов живой юридической деятельности, используются в них в качестве средств юридической аргументации в других формах правовой жизни.

В-третьих, самостоятельную форму правовой жизни образуют юридические факты. Юрико-фактическая форма правовой жизни представляет собой синтез индивидуального, позитивного и фактического права (в трактовке материалистической теории права). Фактические отношения, т. е. реальная деятельность людей, рассматриваемая

в материалистической теории права в качестве завершающей стадии (формы права), на самом деле «вклинивается» в правовую жизнь на этапе перехода общих нормативных установлений к индивидуальным, конкретным юридическим предписаниям.

Реальная возможность людей пользоваться разнообразными юридическими средствами напрямую зависит от используемых стандартов доказывания юридических фактов. Сами же стандарты доказывания, с одной стороны, выступают проявлением индивидуального права (они могут быть приняты гласно или негласно, путем молчаливого согласия правоприменителей высших инстанций с решениями низших в части установления фактических обстоятельств дела). С другой — области применения стандартов доказывания могут быть заданы как позитивным правом (например, перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному уголовному делу установлен уголовно-процессуальным законом и един для всех уголовных дел), так и определяться конкретным правом по другим юридическим делам с использованием общих ориентиров, выработанных судебной практикой и квалифицируемых в качестве судебных прецедентов толкования права.

Фактическая жизнь (реальная действительность, социальная реальность) может быть включена в правовую жизнь только в доказанной форме. От того, насколько стандарты доказывания юридических фактов приближают их к жизненным обстоятельствам (т. е. тем реальным событиям и деяниям в том виде, в котором они имели место на самом деле в социальной жизни и зафиксированы в памяти их участников), зависит действенность всех правовых инструментов удовлетворения потребностей людей и сдерживание внеправовых, противоправных путей удовлетворения или разнообразных экономических, политических и иных интересов.

Поэтому правовая жизнь и предстает в форме официальных (исходящих от органов публичной власти, не опровергнутых в установленном порядке) и неофициальных версий о юридических фактах. При этом последние характеризуют субъективное отношение субъектов к первым, т. е. официальным версиям юридических фактов, степень удовлетворенности людей правоприменительной и иной деятельностью по установлению фактических обстоятельств.

Совпадение официальной версии юридического факта, изложенного в правовом акте, как правило, правоприменительном, с версиями участников процесса доказывания, а также с реальными жизненными обстоятельствами, взятое в своей массовости, характеризует уровень доверия людей к правовым средствам, способам, процедурам удовлетворения их потребностей и к праву в целом.

Напротив, неразумные, искаженные стандарты доказывания юридических фактов, «отрывающие» правовую жизнь от реальной социальной жизни, существенно снижают в восприятии населением легитимность права в целом.

В-четвертых, формой правовой жизни являются конкретные правовые отношения между конкретными лицами в конкретной ситуации, основанные на юридических фактах, установленных индивидуальными правовыми актами (правоприменительными, нотариальными, договорными и иными).

Именно в этой форме правовой жизни происходит ее разделение на правомерную и теневую стороны (срезы, сегменты, области), поскольку здесь дается конкретная государственно-правовая оценка социальным взаимодействиям и поведению людей как правомерным либо противоправным применительно к индивидуализированным субъектам в определенной единичной ситуации.

Конкретная форма правовой жизни имеет свои закономерности. Так, например, существуют промежуточные и окончательная оценки установленных фактических обстоятельств. Позитивным правом регламентированы общие процедурные правила о возможности либо невозможности их переоценки (повторной оценки), которые, в свою очередь, отражаются в соответствующих процессуальных решениях применительно к конкретному юридическому делу. Окончательно правомерным или противоправным может быть признано лишь поведение, оцененное в качестве такового правовым актом, который невозможно изменить (отменить, пересмотреть) в рамках правовой системы конкретного государства [9]. Г. Харт прав в утверждении о том, что «верховный трибунал имеет последнее слово, чтобы сказать, что есть право, и когда он сказал это слово, утверждение, что суд был "не прав", не вызовет никаких последствий внутри системы: в результате не изменятся ничьи права или обязанности» [10, с. 145].

Наконец, в-пятых, формой правовой жизни выступают реальные фактические акты человеческого поведения — практика реализации требований конкретного права (правомерное поведение, в своей массовости образующее правовой порядок) либо негативная практика нарушения требований позитивного права, а равно неисполнения индивидуальных юридических прав и обязанностей, определенных на уровне конкретных правоотношений (правонарушения и наиболее опасная их разновидность — преступления, в массе образующие такое социальное явление как правонарушаемость и ее разновидность — преступность).

Важно учитывать тот факт, что не все конкретные правоотношения и поведенческие акты их реализации в силу различных объективных и субъективных причин являются предметом реальной государственной, прежде всего правоприменительной, деятельности. Если публично-правовая жизнь с необходимостью предполагает реальное участие органов публичной власти (в этом состоит, на наш взгляд, смысл выделения в рамках правовой жизни такой ее разновидности, как государственно-правовая жизнь [11]), то частноправовая жизнь, а также некоторые явления теневой стороны правовой жизни (например, латентная преступность) имеют лишь вероятностную, потенциальную возможность вовлечения в нее государства в случаях, если фактические обстоятельства становятся известными государству, имеются их допустимые и достоверные доказательства и т. п.

Такое видение структуры правовой жизни, построенное на методологической основе материалистической теории права, на наш взгляд, схватывает диалектику взаимных связей всех форм правовой жизни, позволяет выявить общие и частные закономерности единства этих форм (их переходов из одной в другую без искажения содержания), а также их борьбы, препятствий к взаимопереходам (например, наличие так называемых «мертвых» и «спящих» юридических норм, «мертвых» и «спящих» правоприменительных актов, заведомо неисполнимых соглашений, юридических действий, имитирующих реализацию прав, но на деле преследующих совершенно другие цели, и т. д.).

Поскольку методология материалистического подхода к праву «не отвергает их позитивных результатов исследований общих проблем права как действенного средства обеспечения в обществе и государстве единого устойчивого правопорядка» и от позитивистской доктрины «берет достоверно исследованные проблемы законотворчества и правотворчества», «от теории интуитивного, психологического права — данные о структуре и составе индивидуального права, от социологии права — сведения о процессах и результатах воплощения конкретного права в фактических отношениях» [3, с. 259], есть основания надеяться на возможность объединения усилий теоретиков и практиков различных правовых школ в преодолении «самого главного недостатка в позиции так называемого интегративного правопонимания — отсутствия интегративного понятия права» [12], которое было бы результативным (продуктивным), т. е. способным решать как познавательные (научной интерпретации данных с позиции глубинных закономерностей и сущностных черт), так и практические (прагматические) задачи [13] в деле формирования и осуществления правовой политики как деятельности по совершенствованию правовой жизни.

Пристатейный библиографический список

1. Соколова А. А. Юридический позитивизм Г. Ф. Шершеневича: современное прочтение // Юридический позитивизм и конкуренция теорий права: история и современность (к 100-летию со дня смерти Г. Ф. Шершеневича) : материалы VI Ежегодной междунар. науч.-практ. конференции. Иваново, 5–8 октября 2012 г. : в 3 ч. / отв. ред. О. В. Кузьмина, Е. Л. Поцелуев. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2012. Ч. 1. С. 9–24.
2. Адыгезалова Г. Э. Социологическая юриспруденция США в XX веке: формирование доктрины, развитие и совершенствование правопорядка. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2012.
3. Сырых В. М. Материалистическое понимание сущности объективного права и механизма его проявления в конкретных отношениях // Сущность права : сборник статей к 100-летию со дня рождения профессора М. И. Байтина / [под ред. В. М. Баранова, С. А. Белоусова, И. Н. Сенякина] ; Саратовская государственная юридическая академия. Саратов : Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2022. С. 228–259.

4. Стовба А. В. Правовая ситуация как исток бытия права. Харьков : ДИСА+, 2006.
5. Рабинович П. М. Право как явление общественного сознания (К дискуссии об объективном и субъективном праве) // Правоведение. 1972. № 2. С. 106–116.
6. Малько А. В. Категория «правовая жизнь»: проблемы становления // Государство и право. 2001. № 5. С. 6–10.
7. Сырых В. М. Основы материалистической теории права : в 4 т. Т. 1 : Объективное право и формы его выражения. М. : Юрлитинформ, 2022.
8. Austin J. Lectures on jurisprudence, or, The philosophy of positive law. Clark, N. J.: Lawbook Exchange, 1885.
9. За покушение на убийство мужчине дали 15 лет колонии. Спустя 64 года его оправдали. URL: <https://msk1.ru/text/criminal/2023/07/31/72548639/> (дата обращения: 26.09.2023).
10. Харт Г. Л. А. Понятие права. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2007.
11. Гурьев В. В. Государственно-правовая жизнь общества: проблема минимизации конфликтности и расширения сферы сотрудничества // Государственно-правовые исследования. 2022. Вып. 5. С. 91–96.
12. Черданцев А. Ф. Интегративное недопонимание права // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 5–15.
13. Власенко Н. А. Результативность правопонимания в современной юридической науке // Журнал российского права. 2015. № 4. С. 5–18.

References

1. Sokolova A. A. YUridicheskij pozitivizm G. F. SHershenevicha: sovremennoe prochtenie // YUridicheskij pozitivizm i konkurenciya teorij prava: istoriya i sovremennost' (k 100-letiyu so dnya smerti G. F. SHershenevicha) : materialy VI ezhegodnoj Mezhdunar. nauch.-prakt. Konferencii. Ivanovo, 5–8 oktyabrya 2012 g. : v 3 ch. [Legal positivism of G. F. Shershenevich: modern reading // Legal positivism and competition of legal theories: history and modernity (on the 100th anniversary of the death of G. F. Shershenevich): materials of the VI annual International scientific-practical conference. Ivanovo, October 5–8, 2012: in 3 part] / editor in charge O. V. Kuz'mina, E. L. Poceluev. Ivanovo: Ivanovskij gos. un-t [Ivanovo State University Publishing house], 2012. Part 1. Pp. 9-24.
2. Adygezalova G. E. Sociologicheskaya yurisprudenciya SSHA v XX veke: formirovanie doktriny, razvitie i sovershenstvovanie pravoporyadka [Sociological jurisprudence of the USA in the 20th century: formation of doctrine, development and improvement of the rule of law]. SPb. : YUridicheskij centr-Press [Legal Center-Press Publishing house], 2012.
3. Syryh V. M. Materialisticheskoe ponimanie sushchnosti ob»ektivnogo prava i mekhanizma ego proyavleniya v konkretnyh otnosheniyah // Sushchnost' prava : sbornik statej k 100-letiyu so dnya rozhdeniya professora M. I. Bajtina [Materialistic understanding of the essence of objective law and the mechanism of its manifestation in specific relationships // Essence of law: collection of articles for the 100th anniversary of the birth of Professor M. I. Baitin] / [under edition of V. M. Baranova, S. A. Belousova, I. N. Senyakina] ; Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya. Saratov : Izd-vo Sarat. gos. yurid. Akademii [Saratov State Law Academy. Saratov: Publishing house Saratov State Law Academy Publishing house], 2022. Pp. 228–259.
4. Stovba A. V. Pravovaya situaciya kak istok bytiya prava [Legal situation as the source of the existence of law]. Xar'kov: Disa+ [Publishing house], 2006.
5. Rabinovich P. M. Pravo kak yavlenie obshchestvennogo soznaniya (K diskussii ob ob»ektivnom i sub»ektivnom prave) [Law as a phenomenon of social consciousness (Towards a discussion about objective and subjective law)] // Pravovedenie [Jurisprudence Publishing house]. 1972. No. 2. Pp. 106–116.
6. Mal'ko A. V. Kategoriya «pravovaya zhizn'»: problemy stanovleniya // Gosudarstvo i pravo [Category “legal life”: problems of formation // State and law]. 2001. No. 5. Pp. 6 – 10.
7. Syryh V.M. Osnovy materialisticheskoy teorii prava : v 4 t. T. 1. : Ob»ektivnoe pravo i formy ego vyrazheniya [Fundamentals of the materialist theory of law: in 4 volumes. Vol. 1.: Objective law and forms of its expression]. M. : YUrlitinform [Publishing house], 2022.
8. Austin J. Lectures on jurisprudence, or, The philosophy of positive law. Clark, N. J.: Lawbook Exchange, 1885.

9. Za pokushenie na ubijstvo muzhchine dali 15 let kolonii. Spustya 64 goda ego opravdali [A man was given 15 years in prison for attempted murder. After 64 years, he was acquitted] // URL: <https://msk1.ru/text/criminal/2023/07/31/72548639/> (access date: 09/26/2023).

10. Hart G. L. A. Ponyatie prava [The concept of law]. SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta [St. Petersburg University Publishing house], 2007.

11. Gur'ev V. V. Gosudarstvenno-pravovaya zhizn' obshchestva: problema minimizatsii konfliktnosti i rasshireniya sfery sotrudnichestva // Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya [State-legal life of society: the problem of minimizing conflict and expanding the scope of cooperation // State-legal studies]. 2022. Issue. 5. Pp. 91–96.

12. SHERDANCEV A. F. Integrativnoe nedoponimanie prava // Zhurnal rossijskogo prava [Integrative misunderstanding of law // Journal of Russian Law]. 2016. No. 10. Pp. 5–15.

13. Vlasenko N. A. Rezul'tativnost' pravoponimaniya v sovremennoj yuridicheskoy nauke // Zhurnal rossijskogo prava [Effectiveness of legal understanding in modern legal science // Journal of Russian Law]. 2015. No. 4. Pp. 5–18.

Игорь Николаевич Исаков

*Доцент Института высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук НИУ МИЭТ, кандидат юридических наук, доцент
E-mail: isakov2009@yandex.ru*

Регулирующий потенциал нормативных актов органов исполнительной власти в первичном регулировании (на примере реализации принципа равенства в правовой жизни общества)

Аннотация. Теория и практика разноуровневого правового регулирования существенно дополняется нормотворческой деятельностью органов исполнительной власти, призванных обеспечить выход законодательных установлений в сферу их непосредственного действия. Это обуславливает актуальность статьи. Предметом исследования выступает нормотворческая деятельность органов исполнительной власти по созданию конкретизированных и детализированных норм права. Цель работы — показать, что нормативные акты органов исполнительной власти имеют статус вторичного уровня правового регулирования. Полученные выводы основываются на диалектическом, формально-юридическом, сравнительно-правовом и других методах. Новизна исследования заключается в демонстрации правомерности вхождения нормативных актов органов исполнительной власти в законодательный уровень правового регулирования на правах субэлемента. Выводы. Благодаря действию нормативных актов органов исполнительной власти обеспечивается единство разноуровневого правового регулирования, соответствие единой воле законодателя.

Ключевые слова: закон, нормативное предписание, законодательная инициатива, полномочие, правоотношения, исполнительная власть, вторичная нормативность, правовое равенство, конкретизация первичных норм, нормотворчество, минимальные стандарты.

Igor Nikolaevich Isakov

*Associate Professor of Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian disciplines MIET (National Resaerch University of Electronic Technology),
Candidate of Legal science, Docent*